

После ужина Шэнь Цзуннянь отправился чинить для старой госпожи винтажную швейную машинку, привезенную из Италии. Пару дней назад она обмолвилась в семейном чате, что та сломалась. Сегодня Шэнь Цзуннянь захватил с собой инструменты.

С самого детства Шэнь Цзуннянь то и дело попадал в разные «несчастные случаи», поэтому овладел множеством полезных навыков. Когда он был в бегах и от преследователей приходилось скрываться в глухих лесах, он даже машину чинил сам. Какая-то швейная машинка — это вообще пустяк.

Он опустил голову, закручивая винты, и достал из кармана гаечный ключ. Вернувшись домой, он не стал надевать строгий костюм, а переоделся в черные брюки и ветровку. Двигался он так же ловко, как студент, собирающий модельки.

— Нянь-цзай, — Гао Шухун сидела рядом и смотрела за его работой, — она ещё будет работать?

— Будет.

— Если не починишь — ничего страшного. Во второй половине года я всё равно туда полечу.

— Я почию, — Шэнь Цзуннянь поднял руку и утёр пот со лба.

Старая госпожа улыбнулась:

— Как вчера прошёл визит в семью Шэнь? Всё хорошо?

— Угу, — Шэнь Цзуннянь поднял голову и посмотрел на неё. — Ничего особенного, бабушка.

Гао Шухун вспомнила, как в детстве он возвращался из семьи Шэнь весь в синяках и ссадинах. Такой маленький ребёнок, ему даже кости ломали, а он ни разу не заплакал. От этих воспоминаний у неё покраснели глаза.

— В следующий раз пусть Мин-цзай поедет с тобой.

Шэнь Цзуннянь покрепче перехватил отвёртку и тихо ответил:

— Не нужно, бабушка.

Гао Шухун подперла подбородок рукой:

— Бабушка же волнуется. Мин-цзай сможет тебя защитить.

Шэнь Цзуннянь затаил дыхание. На душе стало тепло, но вместе с тем примешалось чувство

вины. Не поднимая головы и не прекращая работу, он тихо сказал:

— Бабушка, я тоже могу защитить себя.

— Вдвоём всё равно надёжнее, так мне будет спокойнее.

Гао Шухун хотела сказать что-то ещё, но Шэнь Цзуннянь уже закончил ремонт:

— Попробуйте.

Гао Шухун приятно удивилась:

— Надо же, работает даже лучше, чем раньше!

— Я добавил немного машинного масла, — Шэнь Цзуннянь начал собирать инструменты.

— Держи, Нянь-цзай, возьми это с собой, — Гао Шухун протянула ему упаковку конфет «Борода дракона». — Это домашние, из семьи Ли.

Шэнь Цзуннянь любил их в детстве, поэтому она специально попросила приготовить порцию и привезла ему.

Затем она добавила вполголоса:

— Только не говори Мин-цзаю. Его сахарных львов больше нет. Тот мастер больше не работает в семье Ли.

Шэнь Цзуннянь на мгновение замер, а затем принял сладости обеими руками:

— Хорошо. Спасибо, бабушка.

— Да брось ты эти благодарности.

Шэнь Цзуннянь опустил голову. Он вернулся в Восьмиугольную башню так, словно нёс в руках коробку с раскалёнными углями. Какое-то время он просто сидел, глядя на конфеты. Лишь затем принялся убирать разбросанные по дивану куртки, игровые приставки и провода для зарядки.

На тумбочке в прихожей стояла рамка с фотографией. Человек на снимке выглядел живым и сияющим. Но сегодня под этими красивыми «персиковыми» глазами залегли бледные тёмные круги. Взгляд казался поникшим и усталым.

Шэнь Цзуннянь прикрыл глаза и мысленно вздохнул.

Хлопнула дверь — вернулся Тань Юмин. Он побродил по комнате, нарезая круги, и, как бы невзначай проходя мимо, бросил:

— Не раскидывай мои вещи.

Шэнь Цзуннянь не поднял головы. Отыскав их загранпаспорта, он спросил:

— Разве ты не собирался встретиться с Фелипе?

Тань Юмин опешил:

— Что?

— Уже не едем? — Шэнь Цзуннянь выдвинул ящик, чтобы убрать паспорт обратно.

Тань Юмин тут же пихнул его коленом в руку, останавливая. Он цыкнул и легонько пнул ножку стола.

За более чем десять лет жизни под одной крышей между ними выработалось молчаливое понимание: они знали, как пойти на уступки и объявить перемирие.

Тань Юмин не был злопамятным. Особенно если дело касалось Шэнь Цзунняня. Как бы сильно он ни злился, пары дней ему обычно хватало с лихвой. Но стоило ему понять, что инициатива снова в его руках, как он тут же принимался командовать:

— Упакуй вещи в свой большой чемодан. Не бери лишний. И не клади мне те толстые и уродливые пуховики. Даже если возьмёшь, я их не надену. И мой сноуборд тоже захвати.

Раздавая указания, он ещё и пинался ногами, почти наполовину навалившись на Шэнь Цзунняня.

Шэнь Цзуннянь резко перехватил его за лодыжку и вскинул бровь. От этого взгляда у Тань Юмина ёкнуло сердце, а по голени пробежал щекочущий холодок. Он попытался высвободить ногу.

Шэнь Цзуннянь отпустил его, убрал паспорта и встал. Едва он отвернулся, как за спиной раздался голос Тань Юмина:

— Шэнь Цзуннянь. Если ты ещё раз посмеешь поехать в семью Шэнь один, только попробуй.

Шэнь Цзуннянь обернулся и посмотрел на него сверху вниз своими темными, глубокими глазами. Тань Юмин невольно выпрямился. Он только собирался открыть рот, как Шэнь Цзуннянь ответил:

— Понял.

Для Тань Юмина эта крошечная холодная война, не продлившаяся и трёх дней, была лишь одной из тысяч обычных ссор за те пять с лишним тысяч дней, что они прожили вместе. И только сам Шэнь Цзуннянь знал: это лишь ещё одна строчка в бесконечном списке его неудачных попыток разорвать эту зависимость.

Во всех этих перетягиваниях каната и мысленных битвах, о существовании которых Тань Юмин даже не подозревал, Шэнь Цзуннянь не одержал ни единой победы. Он всегда терпел сокрушительное поражение.

Почувствовав свою власть, Тань Юмин тут же начал тиранить:

— Вечером я хочу рыбу на пару с соевым соусом.

Шэнь Цзуннянь, убирая вещи, ответил:

— Иди и скажи экономке.

— Я хочу ту, что приготовишь ты.

Он совершенно не наелся в обед. Да что там, он все эти дни нормально не ел.

Шэнь Цзуннянь остановился, повернулся к нему и спросил:

— В море не наелся?

— Я вообще ничего не... — Тань Юмин сориентировался молниеносно. — А откуда ты знаешь, что я выходил в море?

Шэнь Цзуннянь промолчал, отвернулся и продолжил уборку.

Поняв, что все эти два дня Шэнь Цзуннянь следил за тем, чем он занимается, Тань Юмин возликовал и громко возмутился:

— Я вообще нормально не ел! Ты так вывел меня из себя, что у меня живот разболелся. Я чуть в обморок на палубе не упал!

В душе Шэнь Цзунняня это не вызвало особых волнений. Умение вызывать жалость и смягчать чужие сердца было врождённым талантом Тань Юмина. Он также мастерски создавал иллюзию, будто без тебя он просто умрёт.

Но Тань Юмин никогда не делал этого специально. Шэнь Цзуннянь прекрасно знал его натуру.

Тем не менее, посмотрев на бледное лицо Тань Юмина, он тихо позвал:

— Тань Юмин.

— А? — Тань Юмин всё это время ходил за ним хвостиком.

— Тебе нужно нормально питаться. Независимо от того, что происходит.

Тань Юмин опешил. Если бы Шэнь Цзуннянь холодно и грубо приказал ему, он бы без малейших зазрений совести огрызнулся. Но такая внезапная, искренняя и мягкая забота выбила его из колеи.

— Ясно.

Тот самый BYD Шэнь Цзуннянь лично отогнал и вернул Чэнь Ваню, вот только на звонок ответил Чжао Шэнгэ.

— Ничего страшного, можете и дальше пользоваться, — Чжао Шэнгэ не горел желанием снова видеть эту машину.

Шэнь Цзуннянь холодно отказался:

— В этом нет необходимости.

И добавил:

— Поблагодарите от моего имени Чэнь Ваня.

Затем, не дав Чжао Шэнгэ и слова сказать, он повесил трубку.

Он протянул Тань Юмину ключи от «Кайена»:

— Держи у себя.

Тань Юмин:

— Зачем они мне? Хочешь увильнуть от работы водителем?

— Нет, пусть будут про запас.

Не мог же он каждый день одалживать чужую машину. Он не мог позволить себе так позориться.

Пятнадцатое число первого лунного месяца. Праздники подходили к концу. Фотограф по традиции приехал в дом семьи Тань, чтобы сделать семейный портрет.

Традиция делать семейное фото каждый год зародилась с рождением Тань Юмина.

Когда ему исполнилось одиннадцать, на фотографиях появилось ещё одно лицо — Шэнь Цзуннянь.

В семье Тань эти съёмки не были чем-то официальным или торжественным. Скорее, это был способ запечатлеть изменения в каждом из них и отметить ещё один прожитый вместе год. Поэтому все фотографировались в своём обычном, повседневном виде.

Гуань Кэчжи, как всегда эффектная, была в джинсах и белой рубашке. Тань Чуншань надел чёрную куртку-авиатор, дедушка был в привычном френче, а Гао Шухун — в традиционной блузе с косой застежкой.

Шэнь Цзуннянь сегодня был одет в удобную для работы чёрную толстовку с капюшоном. Тань Юмин изначально нарядился в расшитую сверкающую рубашку, но, увидев Шэнь Цзунняня в чёрном худи, от которого у него аж колени подогнулись, тут же передумал.

— У меня тоже такая есть! — заявил он и мигом переделся в белую.

Фотограф настраивал оборудование, попутно болтая с Гуань Кэчжи. Он с улыбкой спросил:

— Где будем фотографироваться в этом году?

Поместье Тань было огромным, поэтому локация для семейного фото менялась каждый год.

У плакучей сливы, в нефритовой беседке — по всей горе Баоцзин были разбросаны места, запечатлевшие счастье этой семьи.

— В этом году пусть выбирает Нянь-цзай, — скомандовала Гуань Кэчжи. — В прошлом году место выбирал Мин-цзай, теперь твоя очередь.

Тань Юмин посмотрел на Шэнь Цзунняня. Тот вздёрнул подбородок, указывая на него:

— Хочешь выбирать — выбирай.

Он уступил ему эту возможность и в этом году.

Тань Юмин не стал скромничать. Под вывеской, написанной прадедом, они уже фотографировались. На смотровой площадке во дворе — тоже. Он обвёл взглядом комнату, остановился перед картиной на стене и постучал по ней:

— Тогда здесь.

На картине в детском стиле на фоне леса яркими оранжевыми и зелёными красками были изображены хитрая и проворная лиса, которая по-свойски обнимала за плечи вожака стаи с ледяным выражением морды. В этом было что-то от поговорки «лиса наводит страх, прикрываясь тигром».

В тринадцать лет Тань Юмин фанател от одного материкового художника комиксов. Ради него он даже забросил видеоигры. Он скупил все его артбуки. Один из них он одолжил Чжао Шэнгэ. Говорят, старик Чжао тот альбом сжёг, и позже Чжао Шэнгэ втайне купил новый экземпляр, чтобы вернуть долг.

Однако после того случая Чжао Шэнгэ больше никогда не брал у него комиксы.

Тань Юмин не расстроился. Увидев интервью с тем художником, он восхищённо протянул:

— Обалдеть, вживую он такой красавчик!

Шэнь Цзуннянь нахмурился и отчитал его:

— Ты сколько дней уже домашку не делаешь?

Тань Юмин:

— Такой талантливый, а учится всего лишь на третьем курсе!

«...»

Шэнь Цзуннянь наотрез отказался делать за него уроки, но, когда этот художник приехал в Гонконг на автограф-сессию, он всё равно с каменным лицом отстоял в очереди целую ночь, чтобы получить заветную роспись.

Молодой художник, заметив надменный и отчуждённый вид Шэнь Цзунняня — совершенно не такой, как у других взволнованных фанатов, — усмехнулся:

— Малыш, не похоже, что тебе так уж нравятся мои рисунки.

Лицо Шэнь Цзунняня стало ещё холоднее:

— Без фамильярностей. Просто подпиши.

«...»

Юный художник не понимал, фанат перед ним или суровый заказчик. Шэнь Цзуннянь ткнул пальцем в угол страницы и велел:

— Вот тут. Напиши: «Желаю Тань Юмину радоваться каждому дню».

Эта яркая детская картина совершенно не вписывалась в интерьер гостиной семьи Тань. Но Тань Чуншань видел, как сильно она нравится Тань Юмину, поэтому всё-таки повесил её на стену.

Фотограф расставил всех по местам, поправляя позы и выражения лиц.

Дедушка Тань держал за руку свою жену. Тань Чуншань обнимал за плечи свою Сяо Чжи. Шэнь Цзуннянь стоял прямо, лицо его, как обычно, ничего не выражало. Тань Юмин прислонился к нему головой, закинув руку ему на шею, и широко улыбался, демонстрируя клычки.

Щелчок затвора запечатлел этот момент навсегда.

Резные сандаловые окна, фарфоровая ваза со сливой, яркая картина. Изумрудная черепица на карнизе, алые колонны, балки с вырезанными драконами и фениксами. А по бокам — парные каллиграфические надписи. Это были их с Шэнь Цзуннянем детские упражнения в каллиграфии, которые Тань Чуншань бережно оформил в рамки и повесил на стену.

На левой стороне было написано: «Да снизойдёт благодать, даруя сотни благ», а на правой: «Пусть множится счастье, а удача будет общей».

Это было самое счастливое семейное фото. Но в то же время оно стало приговором для одного человека. Смертным списком, втиснутым в рамку.

Все на фотографии улыбались так мягко и тепло. И лишь один человек не улыбался. Но именно он решительно защищал и оберегал эту редкую семейную идиллию.

Однако.

Обещание Шэнь Цзунняня свозить Тань Юмина в Роттердам так и осталось невыполненным.

Семнадцатого числа первого лунного месяца, когда на Центральном проспекте ещё даже не сняли новогодние фонарики, Хайши потрясла первая в этом году новость масштаба землетрясения.

□Сын-модель из семьи Се расписался за границей с женщиной! Госпожа Се скончалась от гнева прямо на новогодних праздниках!□

□Променял империю на красоту: бездомный пёс теперь ищет пропитание на улице!□

□Господин Се в шестьдесят лет потерял жену и посидел за одну ночь! Разлука жизнью в праздник воссоединения!□

□Блудный сын, растрёпанный, как сумасшедший! Воеет, словно гром, изгнан на многие мили!□